

Двое этих ребят развеселили всех вокруг — смех стоял повсюду. Только Цзянь Нань стоял в стороне, тихо наблюдая.

В его сердце не было ни капли облегчения или радости оттого, что Сян Го получила отказ.

Лишь какая-то глухая скорбь — как у лисы, оплакивающей смерть кролика.

И всё же, глядя на произошедшее сегодня, он неожиданно почувствовал странное спокойствие.

Ли Чуань — не его личный герой. Он спасает не только его — он спасает всех, кто нуждается.

Рано или поздно, великий герой всё равно должен будет укрыть кого-то другого от ветра и дождя.

А ему самому пора научиться быть сильным. Он больше не ребёнок. Он — взрослый.

— Нань-Нань, а кому ты даришь свой мешочек? —

Голос режиссёра прозвучал за спиной.

Все гости обернулись. Даже Ли Чуань, сидевший на каменной скамье неподалёку, поднял взгляд.

Их взгляды встретились — тёмные глаза мужчины оставались непроницаемы: ни гнева, ни улыбки, ни единого намёка на чувства.

Цзянь Нань глубоко вдохнул и решительно развернулся:

— Сяо Дуну.

Дун Цзюньин замер.

— Мне?..

— Да. — Цзянь Нань мягко улыбнулся и сделал шаг вперёд, обняв его. — Рад был познакомиться.

Дун Цзюньин растерялся, шумно втянул воздух носом, глаза у него неожиданно покраснели. Он прижал Цзянь Наня к себе, возбуждённо выдохнув:

— Нань-Нань, ты настоящий брат! Мы всегда будем вместе, слышишь?!

В этот момент оператор внезапно повернул камеру в сторону Ли Чуаня.

У того лицо потемнело — неяростное, но хмурое, будто тень легла на взгляд. Он лениво скосил глаза на объектив, затем отвёл их обратно, играя пальцами с мешочком в руке.

Зрители в прямом эфире разразились смехом:

«Хахаха, оператор, ты чего это задумал, а?»

«О, оператор всё понял, респект!»

«Дайте этому гению премию и куриную ножку от режиссёра!»

После игры участникам разрешили свободно гулять по Храму Судеб — тому самому, что был известен по всей округе.

Обычно древняя обитель не принимала посетителей, но в день ежегодного Праздника Костров делала редкое исключение.

Во дворе цвели сливы — свежие, душистые, и аромат их висел в воздухе, будто тонкий шёлковый шлейф.

Сначала Цзянь Нань шёл вместе с Дун Цзюньином и остальными, но, пока они бродили, он как-то незаметно отстал.

Когда спохватился, вокруг почти никого не осталось — лишь редкие шаги где-то вдалеке.

— Монах — прозвучал за спиной старческий голос.

Цзянь Нань вздрогнул, обернулся — и увидел пожилого настоятеля в шафрановой рясе.

Он сразу сложил ладони и почтительно поклонился:

— Здравствуйте, настоятель.

— Амида Будда, — старец чуть прищурил глаза. — Встретить тебя, добрый человек, — великая судьба.

— Для меня честь встретить вас, святой отец, — поспешно ответил Цзянь Нань, вновь поклонившись.

— Я вижу, что над тобой сияет свет Будды, — голос настоятеля звучал медленно и глубоко. — Наверное, у тебя при себе есть вещь, принадлежащая нашему Учителю?..

Цзянь Нань недоумённо моргнул:

— У меня?.. Нет, ничего такого.

Старый настоятель всмотрелся в него ещё раз, потом негромко рассмеялся:

— Значит, это я, старик, ошибся.

???

Цзянь Нань сам ничего не понял, но покорно последовал за ним.

Настоятель, шагая неторопливо по узкой дорожке, заговорил мягко, с теплом:

— Милостивый, видел я, как ты стоял с омрачённым лицом. Случилось что-то, что тревожит тебе сердце?

Голос его был ровен и спокоен, словно говорил не монах, а заботливый дед старшему внуку.

Цзянь Нань немного помолчал, потом тихо ответил:

— Просто... пустяки.

Настоятель негромко хмыкнул, улыбнувшись.

Он указал на дерево у дороги:

— Видишь, эта слива уже отцветает. Жаль?

— Жаль, — ответил Цзянь Нань.

— Но ведь в следующем году она снова расцветёт. Увядание — тоже рождение, только иное. — Пальцы настоятеля перебирали чётки, и звуки бусин были почти как дыхание. — Так и жизнь: умение отпускать — тоже путь к новому.

Цзянь Нань дрогнул ресницами. Кажется, он что-то понял...

А может, и нет.

Настоятель чуть улыбнулся:

— Каждый год приходят купцы — хотят выкупить у нас эти сливовые деревья.

Говорят, будто очищают воздух, защищают от злых духов.

— И вы им продаёте? — спросил Цзянь Нань.

— Под небом все равны, — ответил старик спокойно. — Чем эти сливы отличаются от тех, что растут снаружи? Даже если предложат высокую цену — это неправильно.

Цзянь Нань задумался:

— Может, им просто кажется, что эти деревья особенные... лучше, чем другие.

Настоятель остановился и посмотрел на него, на губах появилась лёгкая, почти лукавая улыбка:

— Значит, ты тоже считаешь, что то, чего не достать, — и есть самое ценное?

Цзянь Нань замер.

И вдруг — как вспышка — в голове мелькнул образ Ли Чуаня.

Столько лет... всё это время он гнался за тем, что не мог достать?

Он действительно любит Ли Чуаня?..

В детстве он был одинок, без опоры. Думал, у всех так. Пока однажды случайно не встретил Ли Чуаня.

Цю Кайди всегда была холодна, отчуждена, а мать Ли Чуаня — тёплая, светлая, как солнце.

Он — тихий, замкнутый мальчик, а вокруг Ли Чуаня всегда смех, люди, шум.

Он — сорная травинка в тени, а Ли Чуань — сын солнца, любимец неба.

Вот и выходит...

Он тянулся к Ли Чуаню, потому что тянулся к свету. К тому, чего ему самому не хватало — теплу, доброте, ко всему, чего он никогда не мог достичь.

Цзянь Нань сглотнул, чувствуя сухость в горле:

— Настоятель... скажите, как понять — это просто то, чего не можешь добиться, или настоящее чувство?

Старый монах сложил ладони, мягко произнёс:

— Амида Будда. Торговцы, что хотели купить наши сливовые деревья, потом всё же находили другие — не хуже, не лучше. Это значит, что настоящей любви к этим деревьям в их сердце не было.

То, что можно заменить, — никогда не бывает настоящим.

Но если не осмелишься попробовать, то так и не узнаешь, что это было на самом деле.

Цзянь Нань долго молчал, потом низко поклонился:

— Спасибо вам, настоятель.

Вдалеке послышался знакомый голос, приближавшийся с каждым шагом — это Дун Цзюньин махал рукой:

— Эй, Нань-Нань! Быстрее иди сюда, пора вешать лунные таблички!

Цзянь Нань обернулся и ответил:

— Иду, сейчас!

Он хотел проститься с настоятелем — но рядом уже никого не было. Пустая дорожка, и только лепестки сливы кружились в воздухе, ложась на землю тихим дождём.

— Что стоишь, любишься? — Дун подошёл, держа в руках деревянную дощечку.

Цзянь Нань очнулся:

— А, я тут... разговаривал с настоятелем.

— С кем? — удивился тот, почесал голову. — Я никого не видел. Ну да ладно. Вот твоя табличка, лунная, напиши желание и повесь — говорят, очень действенная.

Дерево было тёплым и гладким на ощупь, будто хранило солнечное дыхание.

Цзянь Нань поблагодарил.

Вокруг стояли старые деревья — вековые, испещрённые временем. Люди группами развешивали таблички, каждая покачивалась на ветру, звеня тихо, как молитва.

Цзянь Нань машинально поднял взгляд — в стороне, у другого дерева, стоял Ли Чуань.

Он говорил с Сян Го, на лице лёгкая улыбка, а девушка — смеётся, глаза сверкают.

И вдруг... Ли Чуань словно почувствовал на себе чей-то взгляд — обернулся.

Цзянь Нань поспешно отвёл глаза, опустил голову, собрался, взял табличку и начал писать. Писал быстро, ровно, будто давно знал, что хочет сказать.

— Хочешь, я повешу за тебя? — предложил Дун Цзюньин.

— Нет, — Цзянь Нань покачал головой. — Я сам.

Он повесил табличку — лёгкую, с красной нитью, и та закачалась на ветке, медленно, плавно, словно сердце, отпускающее что-то важное.

Он смотрел на неё несколько секунд, пока не ощутил, что пора идти. Повернулся — и ушёл.

С другой стороны двора.

Цзи Хуай и остальные тоже закончили писать. Но у их дерева народу оказалось слишком много, поэтому один из ребят предложил:

— Брат, пойдём туда, где Нань-Нань вешал. Там просторно.

Ли Чуань кивнул:

— Идём.

Они подошли к дереву и начали развешивать таблички. Ли Чуань выбрал ветку наугад, зацепил нить, и, когда убирал руку другая табличка качнулась и задела его пальцы, красная нить тихо закрутилась спиралью.

Неясное, щемящее чувство — словно лёгкий шорох памяти, коснувшийся сердца.

Ли Чуань сжал в ладони табличку.

Через мгновение перед его глазами проявились знакомые, аккуратные, лёгкие линии почерка — будто отражение самой души владельца: чистой, свободной, открытой.

«Эта любовь — навек, пока ты не остынешь. А если остынешь — я уйду.»

На следующий день.

Первая съёмка шоу «Кухня Китая» официально завершилась. Хотя участники провели вместе всего четыре-пять дней, между ними успело возникнуть настоящее тепло — и теперь, прощаясь, все обнимались, не желая отпускать друг друга.

Вернувшись домой, Цзянь Нань сразу же начал собирать вещи. Он давно хотел уехать, но всё не решался.

Он боялся встретиться с Цю Кайди. И ещё больше — заговорить о разводе.

Агент, заметив, что тот измотан, дал ему двухнедельный отпуск. Цзянь Нань немного прибрался в квартире и уже собирался бронировать билет.

Телефон внезапно зазвонил.

На экране — номер агента.

Он поспешно ответил:

— Алло?

— Алло, Нань-Нань, ну ты чего, а? Приехал — и даже не позвонил! — весёлый голос Чжан Сяньчжоу звучал так, будто он сам только что вернулся с отдыха. — Как тебе съёмки? Я смотрел стрим, выглядело превосходно.

Цзянь Нань уселся на стул, виновато улыбнувшись:

— Прости, Чжоу-гэ, совсем закрутился, забыл позвонить.

— Ай, не переживай, — засмеялся тот. — Я, собственно, чего звоню: старина Лю вернулся из-за границы. Думаю, неплохо бы вам встретиться, познакомиться поближе. Как тебе идея?

— Конечно, можно, — быстро согласился Цзянь Нань. Он прекрасно знал, что Лю Аньмин — человек имеющий вес. — В офис приехать?

— Да зачем! — отмахнулся Чжан Сяньчжоу. — Послезавтра будет приём, я ему скажу, чтобы он тебя встретил. Вместе сходите, познакомишься с нужными людьми. Заодно — пару бокалов, немного пообщаетесь. Дело-то хорошее, вот и решил уточнить, сможешь ли ты.

Цзянь Нань рассмеялся, чувствуя лёгкость в голосе старшего:

— Послезавтра? Хорошо. Тогда скинь мне контакт Аньмин-гэ, я сам ему напишу.

— Отлично! — обрадовался агент. — Старина Лю с тобой появится — все обзавидуются! Не подкачаешь, я уверен!

Цзянь Нань тяжело вздохнул.

После таких слов-то мне как раз и тревожно...

Но раз уж пообещал, нужно исполнять.

Он с новообретённой серьёзностью открыл шкаф и начал перебирать одежду. Если не найдётся ничего подходящего — придётся срочно идти в ателье. Приём всё же не из простых. Ему самому было всё равно, но подвести других нельзя.

Ближе к вечеру он вышел из дома и отправился в магазин одежды. По дороге телефон снова завибрировал. На экране — имя, которое он совсем не ожидал увидеть.

Звонил Ли Чуань.

Цзянь Нань замер, несколько секунд колебался, а потом всё-таки ответил:

— Алло...

— Да, — голос Ли Чуаня звучал низко, хрипловато, с той хищной теплотой, что всегда заставляла сердце Цзянь Наня сбиться с ритма. — Занят?

— Нет, — поспешно ответил он. — А... что-то случилось?

На том конце провода повисла короткая тишина. Пауза затянулась.

Потом Ли Чуань медленно произнёс:

— Есть одно дело. Послезавтра свободен?

Послезавтра?..

Цзянь Нань на мгновение растерялся.

Послезавтра же встреча с Лю Аньмином.

— Эм... возможно, нет, — он попытался говорить как можно мягче. — У меня уже кое-что запланировано. А что ты хотел?

Ли Чуань нахмурился — еле заметно, но взгляд его потемнел. Потом коротко, почти сухо бросил:

— Ничего.

Цзянь Нань растерялся. Хотел что-то сказать, но тот уже бросил трубку. Экран потух, и всё, что осталось — тихий гул в ушах.

Он вздохнул, не до конца понимая, что именно сейчас произошло, и убрал телефон.

На другом конце города.

Фэн Юань лениво покачивал бокал, наблюдая, как рубиновое вино стекает по стенкам.

— Ну что, удалось пригласить? — в голосе его звенела насмешка. — Ты же сам только что говорил, стоит тебе позвать — и Цзянь Нань тут же прибежит.

Громкий удар.

Телефон с грохотом упал на стеклянный стол.

Ли Чуань, откинувшись на спинку дивана, провёл пальцем по кромке бокала и с ленивой усмешкой произнёс:

— Послезавтра он, оказывается, занят.

— Правда? — Фэн Юань не удержался от смеха. — А ведь ты сам рассуждал: парень в индустрии без крепкой поддержки, стоит ему предложить пойти на приём, познакомиться с нужными людьми — да он и секунды не раздумывал бы! А теперь — бац, отказал! Не иначе, встреча у него.

Ли Чуань приподнял веки, бросив на друга холодный взгляд:

— Если промолчишь хоть минуту, то умрёшь?

Фэн Юань отхлебнул вино, совершенно не смущаясь:

— Да ладно тебе. Я просто констатирую факт. Вы ведь уже развелись — человеку тоже надо как-то жить дальше. Ты думаешь, он сидит дома и ждёт тебя? Двуногих жаб, может, и не сыщешь, а двуногих мужчин — пруд пруди. Почему бы ему не выйти на свидание, не начать что-то новое? В конце концов, ты-то сам им не интересуешься, верно?

— «Что-то новое»? — Ли Чуань усмехнулся глухо, почти угрожающе. Он поднял бокал, глядя сквозь густую красную жидкость, как сквозь кровь. — Скажем, с кем? С этим Дун Цзюньином? С мальчишкой, у которого и пушок-то едва пробивается? Что они там будут делать — играть в куклы?

Фэн Юань поднял брови.

— Ты, похоже, слишком уверен в себе.

Он допил вино, поставил бокал и добавил с кривой усмешкой:

— Ну что ж... посмотрим, кто из вас заплачет первым.